

МОСКВА
2024

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В. А. Жуковский

ы дошли теперь до ужасного места в истории нашей, милые читатели. До сих пор вы видели, что государи русские всегда любили народ свой, всегда заботились о нём с отеческой нежностью, и если в старину, во времена междоусобий, были в числе их князья жестокие, безжалостно разорявшие свои области, это были князья — враги между собою, которые мстили за сделанные им обиды и, примирясь друг с другом, старались вознаградить народ за несчастья, причинённые их несогласием. Но теперь бедные предки наши видели перед собой государя, который был жесток не к врагам, а к верным подданным своим, который с удовольствием мог смотреть на мучения умирающих, который иногда даже собственными руками отрезал в шутку уши у любимцев своих или убивал их за одно неосторожное слово. Вы пугаетесь, друзья мои, и, конечно, едва верите тому, что я рассказываю. Нам трудно поверить жестокостям прошлого времени, даже и предки наши, видевшие их собственными глазами, едва верили им и говорили, что они происходят не от сердца царя, а по воле Божией, наказующей их за грехи. Эта мысль помогала

им переносить без малейшего ропота страдания свои, а нам поможет выслушать рассказ об ужасных делах Иоанна IV, ещё так недавно доброго и великого.

Вы помните совет, какой дал молодому государю старый епископ Вассиан. Этот совет причинил первое зло: он отдалил от сердца Иоанна тех людей, усердию и добродетелям которых он обязан был своею славой, — священника Сильвестра и Алексея Адашева. Возвратясь из Кириллова монастыря, он уже не любил их, но ещё уважал их заслуги и при жизни ангела-хранителя своего — доброй Анастасии — ещё мог удерживать дурные склонности и злые помышления свои. Но с тех пор как её не стало, всё переменялось: пылкая душа Иоанна, потеряв милое и единственное существо, имевшее власть над нею, увлекаемая льстецами, раздражаемая людьми злыми, пришла снова в то состояние, в каком была за тринадцать лет перед тем, и ещё хуже: ожесточилась так, что Иоанна уже не могли умолить никакие просьбы, не могли смягчить никакие слёзы. Как только государыня скончалась, враги Сильвестра и Адашева распустили слух, что она отравлена ими. Иоанн в безотрадной тоске по умершей поверил ложному слуху, не хотел выслушать оправданий обвиняемых и по решению несправедливого суда наказал их: Сильвестра сослал на дикий остров Белого моря, в монастырь Соловецкий, Адашева — в город Дерпт, где через два месяца этот добродетельный друг царя, названный в истории красою века и человечества, умер в темнице.

После этих двух первых жертв несправедливости Иоанна начались страдания друзей и приверженцев его, все они были или сосланы, или казнены. Любимцами Иоанна

сделались теперь люди, отличавшиеся не щедростью, не благородством, не добротой души, а злостью, клеветой, низкими доносами; только они могли жить спокойно, добрые же бояре каждую минуту боялись смерти или опалы, т. е. гнева царского. Многие из них от страха уходили в Литву и Польшу. В числе таких изменников был, к сожалению всех русских, и знаменитый герой, участвовавший в завоеваниях Казани и Ливонии, прежний любимец царя князь Андрей Курбский. Хотя он с чрезвычайной горестью решился на эту измену, но тем не менее она покрыла имя его вечным стыдом и заставила совесть его испытывать вечные мучения. С какой невыразимой грустью слушал он рассказы о верности других бояр Иоанна, как завидовал той твёрдости, с которой они, несмотря на все лестные предложения короля польского, не изменили чести и терпеливо переносили жестокость Иоанна как наказание, посланное им от Бога. Но это терпение и покорность не умиливали жестокое сердце: довольно было одного подозрения, чтобы рассердить Иоанна, а он подозревал каждого! Все вельможи казались ему тайными злодеями, друзьями Курбского.

Находясь в таком беспокойном состоянии, выдумал он новое средство для своей безопасности. Послушайте, друзья мои, и подивитесь, до чего может дойти человек — это прекрасное создание Божие, когда даст волю своим порокам.

В конце 1564 года Иоанн вдруг собрался ехать куда-то со всем своим семейством, приближёнными, любимцами, со всем богатством и деньгами из дворцов и даже из церквей придворных. Бояре и народ с удивлением смотрели на этот таинственный отъезд и в страхе ожидали чего-нибудь

чрезвычайного. Вскоре услышали, что царь со всем двором остановился в слободе Александровской¹.

Прошёл месяц. Всё было в прежней унылой тишине ожидания. Вдруг 3 января 1565 года митрополит получает письмо от государя. Иоанн описывал в нём беззакония бояр, разорявших Россию во время его малолетства, говорил, что дух их до сих пор не переменился, что они всё ещё злодействуют, а если государь вздумает наказывать их, то митрополит и всё духовенство вступаются за виновных. (Это правда, что служители Божии осмеливались иногда умолять грозного царя за несчастных, осуждённых на казнь.) «И потому, — продолжал Иоанн, — не желая терпеть ваших измен, мы от жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог покажет нам путь!»

Этого было довольно, чтобы встревожить весь народ, которому безначалие казалось страшнее всех жестокоостей. «Государь оставляет нас! — кричали с горестью верные москвитяне. — Мы погибаем! Кто будет нашим защитником от чужеземцев? Кто будет начальником царства нашего?» И в эту минуту отчаяния все пороки, все злодеяния Иоанна исчезли из глаз доброго народа: он видел в нём только царя своего и умолял митрополита умиловить Иоанна. Духовенство, бояре и все чиновники со слезами просили о том же и все в один голос говорили: «Пусть царь казнит своих злодеев, но царство без царя быть не может. Мы все едем за тобою бить челом государю и плакаться!»

¹ Теперь город Александров Владимирской губернии, в 156 верстах от Москвы. Слобода Александровская была любимым местом Иоанна IV.

Они исполнили это и в тот же день отправились в слободу Александровскую. Иоанн ожидал их: он знал народ свой, знал его пламенную, беспредельную привязанность к царям своим, и мнимое отречение от государства было только хитростью. Как будто против воли и только по просьбе митрополита согласился он опять быть государем России, но с тем условием, чтобы никто из духовенства никогда не вмешивался в дела его и не просил за виновных, которых он найдёт достойными казни.

2 февраля царь въехал в Москву и на другой же день созвал к себе духовенство, бояр и знатнейших чиновников. Но как же удивились все, увидев Иоанна! Наружность его, прежде привлекательная, так переменилась, что верные подданные едва узнавали его. Светлые, пронизательные, полные огня глаза были теперь мрачны и дики, все черты прежнего миловидного лица сделались безобразны, а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса. И всё это произошло оттого, что он беспрестанно предавался сильному гневу и жестокости!

Иоанн объявил собравшимся боярам, что он намерен для своей и государственной безопасности учредить новых телохранителей. Сначала никто не удивился этой новости, потому что все знали боязливость его с тех пор, как он перестал быть добродетельным, но, когда выяснилось, какие это будут телохранители, все ужаснулись!

Иоанн объявил своею собственностью девятнадцать городов с разными волостями, выбрал 6 тысяч человек из князей, дворян и детей боярских и дал им поместья в этих городах, а тамошних владельцев перевёл в другие места; в самой Москве взял себе также несколько улиц,

откуда должны были выехать все не записанные в царские телохранители; назначил себе особенных чиновников для услуг: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников и других ремесленников — и, не желая жить во дворце своих предков, приказал строить себе новый, за речкой Неглинной. Вот эта часть России и Москвы, эта шеститысячная дружина телохранителей, этот новый двор, не имевший другого начальника, кроме самого царя, были названы опричниной, а всё остальное, т. е. всё государство, — земщиной, которую Иоанн поручил боярам земским, велел им решать все дела с прежними чиновниками, а в важных случаях относиться к нему.

Новые ужасы начались вместе с новым порядком в правлении и особенно вместе со страшной опричниной. В неё выбраны были молодые люди, отличные не достоинствами, а удалством и дерзкой готовностью на всё. Царь взял с них присягу служить ему верой и правдой, доносить на изменников, не дружить с земскими, не водить с ними хлеба-соли, не знать отца и матери, знать одного государя. За такую совершенную преданность Иоанн отдал в жертву своим опричникам всю Россию: они делали всё, что хотели, и были всегда правы в судах. Опричник мог безо всякого страха притеснять своего соседа, а если он пожалуется — брать пеню за бесчестье. После этого подумайте, милые читатели, чего не могли делать эти своевольные телохранители немилосердного Иоанна! Доносы их на людей земских, т. е. на всех, не принадлежавших к их ужасной дружине, были бесконечны, злодейства — бесчисленны, ненависть к ним всего народа — неопишима. Но они не огорчались этой ненавистью: чем сильнее

ненавидели их, тем более доверия имел к ним Иоанн. Он дал им достойное отличие: опричники ездили всегда с собачьими головами и с мётлами, привязанными к сёдлам в знак того, что они грызут злодеев царских и метут Россию. О, как радовались этому отличию бедные жители московские, проходившие по улицам! По крайней мере, благодаря ему они с первого взгляда узнавали злодеев и спешили скрыться от них, так что иногда многолюдные прежде улицы столицы были пусты, как в каком-нибудь необитаемом городе. Уныние и пустота Москвы ещё приметнее сделались с тех пор, как государь разлюбил её и, не считая себя в безопасности даже в новом, крепком дворце своём, жил по большей части в слободе Александровской. С того времени она сделалась городом и украсилась каменными церквями, домами и лавками. Царь жил в палатах, обведённых рвом и валом. Здесь Иоанн проводил почти всё время. Набожность его была так велика, что дворец походил на монастырь. Любимцев своих он называл монахами, себя — игумном; все они ходили в скуфейках и чёрных рясах, под которыми носили богатые, золотом шитые кафтаны с собольими опушками. В четыре часа утра Иоанн ходил на колокольню с первым любимцем и другом своим Малютой Скуратовым, благовестил к заутрене, потом сам же пел, читал и молился так усердно, что на лбу всегда оставались у него знаки земных поклонов. В восемь часов опять собирались к обедне, вечером — к вечерне.

В прекрасной трагедии Пушкина «Борис Годунов» есть рассказ одного старца-монаха о тогдашней жизни Иоанна:

Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумном богомольным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вёл.
Он говорил игумну и всей братье:
«Отцы мои, желанный день придёт,
Предстану здесь алкающий спасенья,
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святы́й отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася —
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлёт Господь любовь и мир
Его душе, страдающей и бурной.

Но напрасно молились они: характер Иоанна не исправлялся. Может быть, в наше время искусство врачей открыло бы, что причиной необыкновенной жестокости его была какая-нибудь болезнь тела или расстройство души,

слишком сильно поражённой невозвратной потерей нежно любимой супруги; но тогда не думали этого, тогда никто не вообразал, чтобы сильная горестъ могла иметь какое-нибудь чрезвычайное влияние на здоровье человека, и потому, вовсе не подозревая никакой болезни в Иоанне, предки наши присоединяли его к числу тех ужасных правителей, которых иногда Бог посылает для наказания народов и какими у римлян были Калигула и Нерон, у французов — Людовик XI. И римляне и французы ужасались имени этих государей, но не таково было чувство русских к Иоанну: когда победы храбрых войск его раздавались и в Ливонии, и в Литве, и в Крыму, когда умными распоряжениями его торговля русская цвела не только в Москве, Астрахани и Казани, но даже в Германии и Англии, когда он торжественно въезжал в Москву и с обыкновенным своим великолепием принимал знаменитых послов иностранных, когда они со всеми знаками глубочайшего уважения стояли перед ним и слушали остроумные разговоры его о важных делах государственных, — добрый народ забывал свои страдания, забывал слободу Александровскую со всеми её ужасами и, гордясь величием России, помнил только, что Иоанн — царь его! Это имя, священное для русских, производило в такие минуты своё чудесное действие над сердцами их: им казалось, что они любили Иоанна.

о величии России не могло быть продолжительно при таком государе и при таких происшествиях в государстве. Иоанн, истребляя иногда целые поколения князей и бояр, не щадил и тех из них, которые отличались великими заслугами своими в делах военных или гражданских: он казнил их наравне с обыкновенными преступниками, и оттого число умных и знаменитых советников царских беспрестанно уменьшалось, так что вскоре Иоанн остался почти один со своими недостойными любимцами, со своей ужасной дружиной опричников и со своими глупыми шутами и забавниками.

Враги, окружавшие Россию и с завистью смотревшие на её могущество, обрадовались такой перемене и спешили воспользоваться ею. Тогда-то узнал жестокий Иоанн свою ошибку, тогда-то почувствовал он сам отвращение к ненавистным опричникам, лишившим его клеветами своими лучших вельмож и полководцев. Но напрасны были все сожаления его: сделанного переменить было невозможно. В первом пылу досады и гнева он уничтожил опричнину. Это случилось спустя семь лет после её учреждения.

Однако зло не поправилось: убитые князя Горбатый-Шуйский, Серебряный, Одоевский, Куракин не воскресли, а между тем враги нападали со всех сторон на бедное отечество наше.

Первым из них был крымский хан Девлет-Гирей. Набрал более ста тысяч войска, он неожиданно подошёл к городу Серпухову, где находился сам Иоанн. Вместо того чтобы оказать решительное сопротивление, царь — уже не прежний мужественный, великий Иоанн, окружённый героями, а слабый, не надеявшийся не только на искусство, но даже и на усердие своих полководцев, — бежал в Коломну, потом в слободу Александровскую, наконец в Ярославль, а хан между тем пробрался прямо в Москву и разорил и сжёг её так, что из всех зданий остался один Кремль. Девлет-Гирей не хотел осаждать его и на другой день, посмотрев с Воробьёвых гор на опустошённую столицу, отправился назад, испугавшись ложного слуха, что многочисленное войско идёт на помощь к русским. Так бедная Москва ещё раз побывала в руках варваров! Возвратившийся государь не скоро смог поправить её разрушенные стены, населить её опустевшие улицы. Прежде чем он успел заняться этим, новые враги уже спешили в Россию. Это были поляки. Но прежде чем мы будем говорить о них маленьким читателям, надобно узнать о главной причине ссор их с русскими — о земле Ливонской.

Вы, верно, не забыли, в какое жалкое положение привели победы Иоанна эту несчастную страну ещё в 1560 году. С того времени русские не переставали разорять её, и в 1561 году рыцари ливонские уже не существовали более: орден их уничтожился, и ливонцы признали государем

своим польского короля Августа, который, получив в своё владение всю Южную Ливонию, обещал не изменять ни веры, ни законов её. Последний магистр — Кетлер, сложив с себя это достоинство, получил от короля звание наследственного герцога Курляндии. Прочие земли орденские разделились ещё на три части: Нарва, Дерпт и все места, соседние с Россией, были завоёваны Иоанном; Гаррия, Ревель и половина Вирландии — шведами; Эзель принадлежал датскому принцу Магнусу. Все эти различные владельцы беспрестанно ссорились между собой, желая вытеснить один другого.

Пока знаменитые полководцы Иоанна IV ещё жили и начальствовали войском его, русские были везде победителями и города Ливонии один за другим покорялись оружию, но, когда в 1577 году Иоанн казнил последнего из героев, прославившихся при взятии Казани, — князя Михаила Воротынского, счастье, как будто желая справедливо наказать Иоанна, совершенно оставило его, и войско русское, лучше нежели когда-нибудь устроенное, но под начальством новых, неискусных предводителей забыло, как надо побеждать, и после каждого сражения должно было стыдиться то шведов, то поляков. Особенно последние славились в это время своими успехами и обязаны были этой славой новому, знаменитому в истории королю своему Стефану Баторию.

Ещё в 1573 году умер слабый Сигизмунд-Август, не оставив после себя наследников. Поляки долго не знали, кого выбрать государем своим. Многие из них, чтобы обезопасить отечество своё от врагов, окружавших его, — турок и австрийцев, желали видеть на престоле своём сильного